

Ю.А. АКАЕМОВА
Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: akaemova.yulia@yandex.ru

Юлия Александровна Акаемова — кандидат педагогических наук, доцент, Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского, кафедра психологии образования, доцент. E-mail: akaemova.yulia@yandex.ru.

Факторы риска в межкультурной коммуникации

В статье рассматриваются факторы риска в межкультурной коммуникации. Определение факторов риска в межкультурной коммуникации проводилось на ведущих положениях о типологии культур.

Ключевые слова: риск, межкультурная коммуникация, внутрикультурная коммуникация, контекст, индивидуализм-коллективизм, дистанция власти, маскулинность, стереотип, этноцентризм, кодирование-декодирование.

Y.A. AKAEKOVA

Risk factors in intercultural communication

In article risk factors in intercultural communication are considered. Definition of risk factors was based on leading position about typology of cultures.

Key words: risk, intercultural communication, intraculture communication, context, individualism-collectivism, power distance, masculinity, stereotype, ethnocentrism, encoding-decoding.

Проблемы интеграции и интернационализации в настоящий момент становятся все более актуальными темами исследования различных наук, особенно психолого-педагогического цикла. В связи с этим наиболее остро встает вопрос, по каким причинам исход коммуникации между представителями различных культур приводит к межкультурному конфликту, а установление взаимопонимания становится недостижимой целью такого рода

взаимодействий. Изучение факторов рисков в процессе межкультурной коммуникации является актуальной как для теоретического осмысления, так и для практической деятельности специалистов различных сфер.

Для определения перспектив развития данной отрасли научного познания необходимо, в первую очередь, обратиться к исследованиям межкультурной коммуникации и тех её аспектов, которые вызывают наибольшее затруднение в процессе их реализации.

Межкультурная коммуникация, как и любой другой коммуникативный процесс, происходит по одной и той же схеме: закодированное сообщение от одного человека поступает к другому по средствам вербального языка и невербального поведения, затем данные закодированные сигналы по разным каналам передаются другому человеку, декодируются и интерпретируются им, используя те же коды, что и отправитель сообщения. Данная схема работает достаточно продуктивно при реализации процесса внутрикультурной коммуникации, так как человек, кодирующий сообщения, и человек, декодирующий его, используют одни и те же правила и культурные коды. Как только мы переходим к процессу межкультурной коммуникации данная схема начинает давать сбои, так как каждый из двух участников этого процесса использует свойственный ему культурный код и свои правила его организации. В результате сообщение может быть неясным, искаженным и двусмысленным. Это и будет та зона, которая в наибольшей степени подвержена риску, а именно тот культурный код, при помощи которого участники интеракции кодируют и декодируют сообщение.

Для того, чтобы выделить факторы риска процесса межкультурной коммуникации, необходимо обратиться к культурноспецифическим особенностям участников интеракции и к тем исследованиям, которые были направлены на изучение показателей культурной вариабельности.

Одним из важнейших культурных параметров, связанных с межкультурной коммуникацией, является контекст, который первым постулировал Холл. Это единственный параметр, который был разработан на основе коммуникативных процессов.

Согласно Холлу, высококонтекстуальной (high-context, HC) коммуникацией, или сообщением, является «такое, в котором большая часть информации либо присутствует в физическом контексте, либо интернализирована человеком, а в кодируемой, эксплицитной, части сообщения её очень немного. Низкоконтекстуальная (low-context, LC) коммуникация представляет собой обратную картину: основная масса информации заключена в эксплицитном коде». При этом Холл рассматривает контекст как континуум с высоким уровнем на одном конце и – низким на другом, а культурные группы располагаются вдоль этого континиума¹.

Культуры высокого контекста меньше полагаются на эксплицитный или разговорный язык при передаче мыслей и сообщений, так как значительная часть информации, которую необходимо передать в коммуникативном эпизоде, уже описана параметрами контекста – физической обстановкой, статусными отношениями участников интеракции, ходом дискуссии и т.д.

Культуры низкого контекста гораздо больше полагаются на эксплицитный, разговорный язык при передаче мыслей и сообщений. В связи с этим они, как правило, поощряют способность точно выражать свою позицию вербальными средствами.

Исходя из этого, контекст является одной из важнейших переменных, которую следует учитывать в процессе межкультурной коммуникации, так как именно он будет определять уровень риска в процессе интеракции между представителями высоко- и низко- контекстуальных культур.

Однако отношение к контексту является не единственным показателем культурной вариабельности. Хорошо изученным и

известным показателем является индивидуализм – коллективизм, который наряду с еще тремя другими показателями (боязнь неопределенности, дистанция власти, феминность-мускулинность) ввел в практику изучения особенностей национальных культур голландский социолог Хофштеде². Показатель индивидуализм-коллективизм относится к тому, в какой степени культура побуждает и удовлетворяет потребности, интересы и желания личности в большей мере, чем нужды группы. Представители индивидуалистических культур считают себя независимыми и автономными личностями, тогда как представители коллективистских культур в большей степени связывают себя с группой и другими людьми.

Влияние показателя индивидуализм-коллективизм на процесс интеракции исследовался многими учеными. Так, например он использовался для прогнозирования культурных различий в экспрессии, восприятии и предпосылках эмоций, для изучения культурных различий и коммуникации в отношении челнов внутренних и внешних групп в четырех культурах, для исследования влияния темпов речи на восприятие надежности говорящего в индивидуалистических и коллективистских культурах³. Такой интерес исследователей к данному показателю неслучаен, так как его можно использовать для предсказания и интерпретации культурных различий не опираясь на стереотипы, частные сведения и впечатления, что доказывает его теоретическую релевантность и эмпирическую полезность.

Для определения факторов риска в процессе межкультурной коммуникации так же большое значение имеет то, что представители коллективистских культур, а их насчитывается около 70 % от культур всего мира, не склонны открыто выражать свое собственное мнение и особенно свою позицию в ситуации конфликта, их процесс общения характеризуется слабой обратной связью, что препятствует обмену информацией и испытывают значительные трудности в

восприятию других схем поведения. Представители коллективистских культур в свою очередь испытывают дискомфорт, не ощущая обратной связи и интерпретируют данный факт как потерю связи с участниками процесса интеракции.

Следующим показателем вариабельности культур в теории Хофштеде выступает боязнь неопределенности, которая характеризуется степенью угрозы, испытываемой обществом в неявных, двусмысленных ситуациях⁴. Однако, перед тем как рассмотреть данный показатель в рамках культурного контекста, следует отметить, что неопределенность является основной характеристикой, отличающей межкультурную коммуникацию от внутрикультурной, и именно она оказывает наибольшее влияние как на процесс вербального и невербального поведения, так и на модус кодирования и декодирования. В связи с этим процесс межкультурной коммуникации между представителями культур с различной степенью боязни неопределенности усложняется многократно, так как дискомфорт, испытываемый представителем культуры с высокой боязнью неопределенности, возрастает, когда ситуация общения недостаточно четко структурирована, необычна и не соответствует ожиданиям коммуниканта. Поэтому фактором риска в данном случае будет выступать четкая структура культурного контекста, более жесткая взаимозависимость таких его параметров, как формальность/неформальность ситуации, статусы собеседников, пространственно-временные характеристики контекста и прочее, которые будут использовать представители культур с высокой степенью боязни неопределенности.

Еще одним показателем культурной вариабельности предложенным Хофштеде, является дистанция власти, которую он определил как степень готовности общества принимать неравенство во всех типах взаимоотношений. И именно несимметричность и неэквивалентность отношений в обществе,

которая характеризуется большой авторитарностью, безусловным авторитетом человека с более высоким статусом, его контролирующими функциями в сочетании с конформностью и пассивностью других членов общества, отсутствием инициативы с их стороны, привычкой не задавать вопросы и склонностью к подчинению отличают культуры с высокой дистанцией власти от культур с низкой дистанцией власти⁵.

Рассматривая данный показатель с позиции межкультурной коммуникации, можно сделать вывод, что столкновение представителей культур с разным индексом властной дистанции порождает проблемы, которые по-разному воспринимаются участниками взаимодействия: представители культур с высокой дистанцией власти испытывают шок, когда схема взаимодействия не основана на статусной принадлежности коммуникантов, с подобным же дискомфортом сталкиваются и представители культур низкой дистанции власти, так как статус собеседника не является для них определяющим в процессе коммуникации. Выделенные проблемы в процессе интеракции и являются основой для определения данного показателя вариабельности культур как фактора потенциального риска.

Четвертый фактор вариабельности культур, который определил Хофштеде – это фактор маскулинности. Он разделил все культуры на культуры с мужским и женским началом отметив, что этот параметр классификации не имеет отношения к мужчинам и женщинам, а лишь к преобладанию определенных (более свойственным мужчинам или женщинам) черт в национальном характере⁶. Так, мужской, по мнению Хофштеде, является культура, в которой ценят тщеславие, стремление к успеху, признание достижений и заботу о высоком достатке, а женской – та, в которой превалирует значимость межличностных отношений, стремление к пониманию и проявлению заботы. В связи с таким разделением в мужских культурах, в противовес женским, доминируют такие ценности, как настойчивость,

жесткость в достижении цели и материальное благополучие. Исходя из этого, становится очевидным тот факт, что это качество (мужское – женское начало) наиболее сильно влияет на коммуникативный процесс, так как в культурах с мужским началом преобладает склонность к более агрессивному коммуникативному стилю, в них соревнование важнее сотрудничества, а люди скорее импульсивны, чем склонны к размышлению. Коммуникативный стиль культур с женским началом является диаметрально противоположным, что и является благодатной почвой для формирования зоны потенциального риска.

Все рассмотренные факторы риска в межкультурной коммуникации основаны на культурноспецифических особенностях участников интеракции на основе показателей культурной вариабельности, однако факторы риска не могут быть сведены к нулю при условии, что культуры участников коммуникации имеют схожие показатели по выделенным выше параметрам.

Так, в своих исследованиях Барна выделяет шесть основных препятствий, мешающих эффективности процесса межкультурной коммуникации⁷. Данные препятствия можно рассматривать как основу для развития рискованной ситуации в процессе интеракции между представителями культур, имеющих приблизительно сходные показатели по параметрам выделенным Холлом и Ховштеде.

Рассмотрим эти препятствия с позиции факторов риска в межкультурной коммуникации.

Допущение сходства. Данное препятствие возникает тогда, когда люди переоценивают степень схожести своих партнеров в процессе межкультурного взаимодействия. Несмотря на то, что людям присущ ряд базовых сходств, процесс коммуникации является уникальной человеческой особенностью, сформировавшейся под влиянием специфики культуры и

обществ. Допущение сходств в процесс взаимодействия у различных культурных сообществ варьируется, что делает саму эту категорию культурной переменной. Если процессе межкультурной коммуникации будет выстроен с позиции полной схожести коммуникантов, то степень риска процесса интеракции возрастает многократно.

Языковые различия. Фактором риска в данном случае является тот факт, что в процессе общения на чужом языке коммуникант не учитывает тот факт, что употребленное им слово, фраза или предложение может иметь несколько значений. Кроме того данное заблуждение зачастую усугубляет и тот факт, что коммуникант игнорирует все остальные возможные источники сигналов и сообщений: невербальную экспрессию, интонацию, позы, жесты и действия. Поскольку люди цепляются за простые интерпретации того, что в сущности является сложным процессом, языковые различия могут стать серьезным риском в процессе межкультурной коммуникации.

Ошибочные невербальные интерпретации. Невербальное коммуникативное поведение составляет большую часть передаваемых сообщений. Несмотря на то, что мимическое выражение гнева, презрения, счастья и удивления являются панкультурными, однако правила проявления чувств, которые их определяют, разнятся в зависимости от культуры. Кроме этого существует огромное число культурных различий в жестах, взглядах, визуальном внимании, межличностном пространстве, позах тела, а также голосовых интонациях и речевых характеристиках. В связи с этим неправильная интерпретация невербального поведения может негативным образом сказаться на продуктивности процесса межкультурной коммуникации. Все вышесказанное позволяет определить специфику невербального поведения представителей различных культур как потенциальную зону риска.

Предубеждения и стереотипы. Стереотипы и предубеждения естественные и неизбежные психологические процессы, которые влияют на коммуникацию и поведения людей. Они легко подкрепляются и определяют наши ожидания даже в том случае, когда события и ситуации ставят их под сомнения, так как негативные атрибуции в значительной степени подкрепляют негативные стереотипы. Это объясняется тем, что психологические процессы, такие как избирательное внимание, атрибуция и эмоции, являются составной частью я-концепции и подкреплены культурными знаниями, усваивающимися в течение многих лет жизни. Таким образом, стереотипы – это интегральная часть пакета психологических процессов, и они тесно связаны с нашими эмоциями, ценностями и стержневым «Я», в связи с чем их может рассматривать, как фактор риска процесса межкультурного взаимодействия.

Стремление оценивать. Этноцентризм является одним из фундаментальных понятий, касающихся межгрупповых отношений, и определяется как тенденция судить о людях, являющихся носителями других культур в соответствии со своей собственной культурой, и рассматривать их как нижестоящие. Однако, несмотря на то, что это слово несет в себе негативные оттенки, избавиться от этноцентризма невозможно, так как это нормальная психологическая функция и неизбежная часть жизни человека. В связи с этим Мацумото вводит в понятие гибкого и негибкого этноцентризма, и определяет их как способность или неспособность людей выйти за рамки собственной точки зрения и посмотреть на повеление представителей других культур с их позиции⁸.

Выделяя этноцентризм как один из существенных факторов риска в межкультурной коммуникации, следует отметить, что роль такового отводится только негибкому этноцентризму.

Повышенная тревога или напряжение. Эпизоды межкультурного взаимодействия связаны с большой тревогой и

стрессом, что отчасти и является одной из её отличительных черт. Однако именно они могут выступить одним из определяющих факторов риска в процессе такого взаимодействия, так как человек, находящийся в подобном состоянии, скорее всего станет догматично цепляться за жесты, держаться стереотипов не обращая внимание на объективные обстоятельства межкультурного взаимодействия.

Подводя итог, следует отметить, что процесс межкультурной коммуникации один из самых сложных процессов межличностного взаимодействия, поскольку участники интеракции не могут посылать или принимать сигналы так, как они привыкли делать это во внутрикультурных ситуациях. Поэтому изучение и учет факторов риска в межкультурной коммуникации является неотъемлемой составляющей процесса формирования межкультурной коммуникативной компетентности.

Примечания

¹Hall E.T. Beyond culture [Текст] / E.T. Hall — New York: Anchor. 1976

²Hofstede G. Culture's consequences: Interculture differences in work-related values [Текст] / G. Hofstede — Beverly Hills, CA: Sage.1980

³Gudykunst W.V. Culture variability in communication [Текст] / W.V. Gudykunst // Communication Reseach, 24(4), 327-348. 1997.

⁴Gudykunst W.V. Toward a theory of effective interpersonal and intergroup communication: An anxiety [Текст] / W.V. Gudykunst // Uncertainty management (AUM) perspective. In R.L. ⁵Wiseman & J. Koester (Eds.); et al. international and intercultural communication annual: intercultural communication competence, 17 (pp. 33-71). Newbury Park: Sage. 1992

⁶Matsumoto D. Culture and psychology. [Текст] / D. Matsumoto — Pacific Grove, CA: Brooks Cole. 1996

⁷Wallbott H. & Scherer, K Culture determination in experiencing shame and guilt. In ⁸J. Tanager & K.Fischer (Eds.), Self-conscious emotion [Текст] / New York: The Gullford Press. 1988

⁸Barna L.M. Stumbling blocks in intercultural communication [Текст] / In L. Samovar & R. Porter (Eds.), Intercultural communication: A reader (pp. 370-379).

Belmont, CA; Wadsworth.